

они восстали и начали войну, напав неожиданно на римский лагерь». Поэтому неудивительно, что договор 179 г. до н. э. был вскоре расторгнут и вновь началась война сильнейших племенных объединений Испании—кельтиберов и лузитанов—с Римом (154 г. до н. э.). Но эти события составляют уже предмет специального рассмотрения.

Кельтиберийская война 197—179 гг. до н. э. закончилась поражением испанцев. Как и в последующие времена, племена Испании, переживавшие стадию разложения родового строя, были слабы и разобщены. Прав Флор, писавший: «Испания никогда не пыталась вся восстать против римлян» (II, 3). В этом основная причина неудач почти 200-летней борьбы испанцев против рабовладельческого Рима. Но первая кельтиберийская война 197—179 гг. оказала большое влияние на исторические судьбы древних иберов, значительно ускорив процесс разложения родового строя и содействуя совершенствованию их военной техники. Немалое значение имела эта война и для Рима: она потребовала от него напряжения финансовых и военных ресурсов и стоила гибели десятков тысяч римских воинов, павших в войне с храбрыми кельтиберами, отстаивавшими свою свободу и независимость.

Л. М. Роголин

К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ СЕВСАМОРЫ

(Strabo, Geogr., XI, 13, 5)

Упомянув место слияния Арагвы с Курой, Страбон в своей «Географии» в описании Иберии, XI, 3, 5, как-то говорит:

...ἀπὸ δὲ τῆς Ἀρμενίας τὰ ἐπὶ τῷ Κύρῳ στενὰ καὶ τὰ ἐπὶ τῷ Ἀράγῳ πρὶν γὰρ εἰς ἀλλήλους συμπροσεῖν, ἔχουσι ἐπιχειμένως πόλεις ἐρωμνὰς ἐπὶ πέτραις, διαχούνας ἀλλήλων ὅσον ἐκχιθεῖαι σταδίου ἐπὶ μὲν τῷ Κύρῳ τῇν Ἀρμενίαν, ἐπὶ δὲ τῇ τῷ Σεσάμορ (var. Σεμόρ)

...Со стороны Армении образуют проход ущелья при Кире (Куре) и Араге (Арагве); при этих реках, выше их слияния, лежат укрепленные города на скалах, отстоящих одна от другой стадиев на 16: при Кире (Куре) Гармозика, а при другой [реке] Севсамора (вар. Севмора) ¹.

Как давно уже установлено в специальной литературе, Ἀρμενίαν Страбона— это не что иное, как Harmastis, гесп. Hermast или Hermastus П л и н и я. (NH, VI, 11, var. 10), та же Ἀρμενίαν, гесп. Ἀρμενίαν П т о л е м е я (Geogr., V, 10) и Ἀκρόπολις Диона Кассия, покрывающие собою грузинское «Армазихэ»².

Еще давно³ нами было высказано положение, вполне оправдавшееся археологическими раскопками последних лет⁴, о том, что помянутый Страбоном один из укреп-

¹ ВДИ, 1947, № 4, стр. 218

² Л. Меликсет-Бекоев, Армазни. Историко-археологический очерк, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», изд. Груз. Фил. АН СССР, 1938, стр. 44—48.

³ Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы: ИКОРГО, XXV, (1917), № 2—3, стр. 248—259; ср. ИКОМАО, IV, Тифлис, 1915, прил., стр. 11.

⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. 1, Тб., 1946, стр. 69 и рис. на стр. 84; А. Апакидзе, Археологические раскопки в древнейшей Грузии, «Большевик», 1945, № 6, июнь, стр. 69—88 (на груз. яз.). Информационные заметки в газетах: «Правда», 1945, 12/I, № 12; «Заря Востока», 1944, 31/VIII, № 174; 15/IX, № 185; 1945, 14/I, № 10; 9/X, № 200; 1946, 8/X, № 202.

пленных городов на скалах (πόλις ἐρουγὴς ἐπὶ πέτραις), мыслимый именно при Куре, следует отождествить не с тем незначительным ваянком на конусообразной скале, что в лабиринте на перекрестке или разветвлении Армазского и Карсанского ущелий, к югу от Мцхеты (как по традиции полагали до наших выступлений), а с не дошедшими до нас постройками, которые должны были находиться на высокой Армазской горе, напротив нынешних головных сооружений ЗАГЭС'а.

Что касается другого укрепленного города—Севсаморы, геср. Севморы, на скале при Арагве, то по вопросу о локализации его в литературе с начала XIX в. и до наших дней одновременно высказаны были разноречивые положения.

Так, французский ориенталист М. Saint-Martin отождествлял Севсамору-Севмору с Самтавро—с той цилиндрической башней-крепостью из гольшей и кирпича, которая возвышается посреди ограды Самтаврского монастыря во Мцхете, к юго-западу от большого храма постройки середины XI в.¹ По состоянию тогдашних археологических знаний М. Saint-Martin мог еще относить крепость Самтавро к столь глубокой древности. Однако теперь можно категорически утверждать, что Самтавро в целом (не считая, конечно, близлежащего кладбища эпохи язычества)—памятник средневековый, с позднейшими наслоениями².

Известный грузинский историк-археолог П. Иоселиани искал Севсамору-Севмору в Саркинетских горах, опоясывающих б. Шиомгвимскую лавру, что к западу от Мцхеты³.

Несостоятельность идентификации историком П. Иоселиани Севсаморы-Севморы с Саркинеги очевидна сама по себе, уже по одному тому, что местоположение последнего (Саркинеги) на расстоянии нескольких километров к западу от Мцхеты и вообще места слияния Арагвы с Курой, притом расположенного по левому берегу Куры, абсолютно не соответствует и явно противоречит вышеприведенному описанию Страбона.

Независимо от сего, со второй половины XIX в. в среде некоторых ученых укоренилось мнение о тождестве Севсаморы с Цицамури грузинских исторических источников. Выразителем этого мнения можно считать, между прочим, историка А. Н. Натроева и А. Апакидзе, которые полагали, что Севсамора—это «нынешняя деревня Цицамури, находящаяся на левом берегу р. Арагвы, со стороны горы Зедазенской», где действительно, «сохранились следы древних строений, требующих продолжительных изысканий». При этом он (А. Н. Натроев) замечал, что «недавно (значит, в конце XIX в.—Л. М.-Б.) в урочище Цицамури поселилось несколько дымов, присвоивших себе (курсив наш.—Л. М.-Б.) это древнейшее название»⁴.

В свое время (1916), коснувшись этих соображений А. Н. Натроева, мы высказались следующим образом: «Спорить против того, что недавно поселившиеся по левому берегу р. Арагвы крестьянские дымы могли себе присвоить название древнего города Цицамури, конечно, не приходится, так как можно допустить, что не только в новое время, но даже и в средние века под названием Цицамури было известно поселение именно по левому берегу р. Арагвы», поскольку преемственный переход названий многих античных городов с течением веков к другим пунктам, подчас даже весьма отдаленным от своих имядателей,—факт общеизвестный»⁵. Однако в результате наших изысканий и наблюдений мы тогда (1916) пришли к тому заключению, что Севсамору-Севмору нужно искать не по левому, а по правому берегу р. Арагвы,

¹ M. Saint-Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie, t. II, Paris, 1819, стр. 178.

² Ср. Н. Северов и Г. Чубинашвили, Мцхета [«Сокровища водчества народов СССР», изд. Академии архитектуры СССР, Москва, 1947], стр. 11, 47, 75, 83.

³ П. Иоселиани, Описание Шиомгвимской пустыни, Тифлис, 1845, стр. 4. Ср. Л. Меликсет-Беков, К скифской проблеме, в связи с вопросом о саках, наспах и берах, «Материалы по истории Грузии и Кавказа», 1937, вып. VII, стр. 533.

⁴ А. Натроев, Мцхет и его собор Святи-Цховели, Тифлис, 1901, стр. 7; ср. А. Апакидзе, Археологические раскопки в древнейшей столице Грузии, «Большевик», 1945, № 6, июнь, стр. 82 (на груз. яз).

⁵ Л. Меликсет-Беков, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 251.

севернее так наз. Самтаврского поля-кладбища, с приурочением ее к остаткам крепости Нацхор-Бабрисцихэ, что на невысокой скале, расположенной между течением р. Арагвы и Военно-грузинской дорогой, проложенной в XIX в.¹

Положение это, однако, ныне, в свете результатов археологических раскопок и открытий последних лет, требует коренного пересмотра, в смысле максимального согласования его с указанием Страбона, заслуживающего, конечно, безусловного доверия.

Аргументация А. Н. Натроева по отождествлению античной Севсаморы-Севморы с нынешним урочищем Цицамури, которое мы бы назвали Новым Цицамури, по сравнению с положениями М. Saint-Martin'a и П. Иоселиани, имела то преимущество, что она базировалась, во-первых, на созвучии греческой «Севсамора» с грузинским «Цицамури», и, во-вторых, на факте бытования на месте нынешнего урочища древнего названия, которое новыми поселенцами и было присвоено.

Однако пример Армазцихэ, которое на протяжении веков усматривали в небольшом замке, расположенном на противоположном конце так наз. Армазского протяжения, между тем как античный город-крепость под этим названием следовало бы искать на другом конце—ближе к месту слияния Арагвы с Курой, думается нам, должен быть достаточно поучительным, чтобы и в вопросе локализации Севсаморы несколько поумерить пыл увлечения народными преданиями.

Во всяком случае ясно, что по аналогии с тем, как Армовике—Армастис—Армактика (Армастика) являются искажениями грузинского «Армазцихэ», и Севсамора представляется искажением грузинского «Цицамури»². Одновременно с этим, тогда же (1916) и несколько позже (1918), по вопросу о генезисе топонимического термина, нами высказано было положение, что «в основе названия Цицамури имеем термин, оставленный в виде следа при движении яфетидов по Арагвскому ущелью», и вскрыть его, на наш взгляд, «было бы возможно не иначе, как в одном из горских говоров грузинского (картского) языка»³.

Касаясь семантико-этимологической и морфологической стороны вопроса, мы также отмечали, что Цицамури—это «типичное яфетическое название, характеризующееся сугубым множественным числом, т. е. двойным показателем множественности имени», из основы «ц'и'и», по-армянски звучащей «ц'иц», в значении сисъки, соски, в зависимости от чего «Цицамури могло бы означать не что-либо иное, как plurale tantum от ц'и'и сисъки»⁴. К тому же и понятие кормилицы у грузин выражается не иначе, как словом д в и д в а.

Такое семасиологическое толкование «Цицамури» с первого взгляда могло бы, конечно, показаться произвольным, как бы натяжкой. Однако эта кажущаяся натяжка легко может быть устранена, как только название «Цицамури» будет сопоставлено с бытующим на месте пережитком матриархального строя—грузинским же названием «Даудзус-ццаро», означющим источник или родник сосков, груди⁵, под которым известен родник при часовенке, что на половине высоты той скалы, где расположен монастырь Джвари, называемый также Борцвис-Джвари («Крест на холме») или Джварис-сацдари («Черный крест»)—Джварис-монастыри («Монастырь креста»), равно как Джвари патисани («Честный крест»).

¹ Там же, стр. 258—259; он же, Армази, стр. 23. Ср. Н. Северов и Г. Чубинашвили, Мцхета, М., 1946, стр. 43.

² Ср. Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 250.

³ Там же, стр. 249—250. См. также: Л. Меликсет-Бекоев, К этимологии названий «Мцхета» и «Цицамури» (Из лексических материалов по грузинскому говору), «Христ. Восток», 1918 г., т. VI, вып. I, стр. 90. Ср. Г. Бреговдзе, Небольшое разъяснение, газ. «Сакартвело», 1916, № 224 (на груз. яз.).

⁴ Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 249.

⁵ Л. Меликсет-Бекоев, Кахтубанский храм, «Христ, Восток», 1915, III, вып. 3, стр. 309 и прим. 2 там же. Ср. он же, Армази, стр. 100.

Сопоставление же топонимического термина «Цицамури», как *plurale tantum* от соски, сиськи, груди, с названием «Дзудзус-цкаро», означаящим источник или родник сосков груди, в связи с уточнением, в результате археологических раскопок последних лет, местоположения исторического Армавцихе (Армозике Страбона), способно приоткрыть нам новую страницу в деле изучения истории древнейшей столицы Иберии—Мцхеты и ее предместий-пригородов,¹ в частности по выяснению местоположения укрепленного города при Арагве—античной Севсаморы, который никак уже нельзя идентифицировать ни с Самтавро (M. Saint-Martin), ни с Саркине (И. Иоселиани), ни с урочищем Цицамури (А. Натроев и др.), ни с Нацхор-Бебрисцихе (как полагали мы в 1916 г.), а только лишь с Борцвис-джвари, где в христианскую эпоху возникли церковные сооружения, в частности монастырь креста (Джвари), воспетый в «Мцъри».

Теперь спрашивается: насколько резонны наши доводы для пересмотра в настоящее время вопроса о местоположении античной Севсаморы-Севморы с новой попыткой локализации последней у Борцвис-джвари, т. е. у той скалы, которая в христианскую эпоху увязана была храмом Св. креста или, как на месте называли, «Честного креста Мцхетского» (Мцхетис-Джвари).

Как известно, ни один район Грузии не насыщен атрибутами матриархального строя так, как то мы наблюдаем во Мцхете и ее топонимике: «девис-намухли» (место коленопреклонения дива), «дзудзус-цкаро» (источник груди), «светицховели» (живой или животворящий столп), «джвари [дзели] патиосани» (честный, -ое крест, древо)¹ и пр. Из этих атрибутов два, именно «дзудзус-цкаро», как дериват «Цицамури», и «дзели патиосани», свяваны с Борцвис-джвари, на вершине которой (скалы) в дохристианскую эпоху, надо полагать, возвышался на пьедестале или базисе менгир, впоследствии увязанный с культом фаллуса, а еще позднее, с IV в. н. э., замененный деревянным крестом. Последний, как известно, пользовался большой популярностью в глазах населения не только Грузии, но и Армении, (как свидетельствует древнеармянская «Книга посланий» (*Liber epistolarum*)², по аналогии с Манглиским каменным крестом, дошедшим до нас под названием «каменной невесты» (квата-рдзали), как пережитком того же матриархального строя³. Остатки же этого базиса в трансформированном, конечно, виде и донныне сохранились посреди (под куполом) храма креста (Джвари)⁴, представляющего собою тетраконховое центрально-купольное сооружение, воздвигнутое в виде защитного покрытия над обветшавшим к тому времени (началу VII в.) деревянным крестом.

Время, когда матриархальные порядки были сменены патриархальными и в результате этого произошли сдвиги в надстроечных категориях, и, между прочим, трансформации культовых объектов, применительно к Грузии вообще и древней Иберии (Восточной Грузии) в частности, конечно, трудно проследить. Однако факт, что в рассказе о деятельности иберского царя Фарнаджома (правившего за несколько веков до н. э.), который, в связи с принятием огнепоклонства, вызвал из Персии огнепоклонников и магов для «глумления над идолами», грузинский историк XI в. Леонтий Руисский (Мровели) отмечает, как этот поступок возбудил большинство из эриставов правителей областей Картлии, которые обратились за помощью к армянскому царю, сообщив ему: «Наш царь переступил закон отцов (предков)

¹ Л. Меликсет-Бекоев, Армази, стр. 100.

² «Книга посланий» (Гирк тхтоц), Тифлис, 1901, стр. 164, 171, 178, 194 (на арм. яз.).

³ Л. Меликсет-Бекоев, Мегалитическая культура в Грузии. Материалы для истории архаического монументального искусства, Тбилиси, 1938, стр. 112—113 и рис. на табл. LVII (на груз. яз. с русск. резюме).

⁴ К. Кекелидзе, К вопросу об иерусалимском происхождении грузинской церкви, СПб., 1914, стр. 3—4; Л. Меликсет-Бекоев, К вопросу об устройстве алтаря в древней Грузии, «Христ. Восток», 1915, IV, вып. 3, стр. 310—312.

наших и не служит богам—владыкам Картлии, ибо; принял отеческую религию (букв.—отеческий закон) и оставил религию матернюю (закон матерний)»¹.

Но для отождествления античной Севсаморы (Севморы)-Цицамури с Борвис-джвари необходимо учесть еще одно важное указание Страбона: скалы, увенчанные укрепленными городами Армовине и Севсамора, отстояли одна от другой на расстоянии 16 стадиев. В связи с этим возникает вопрос: насколько наша новая гипотеза или презумпция

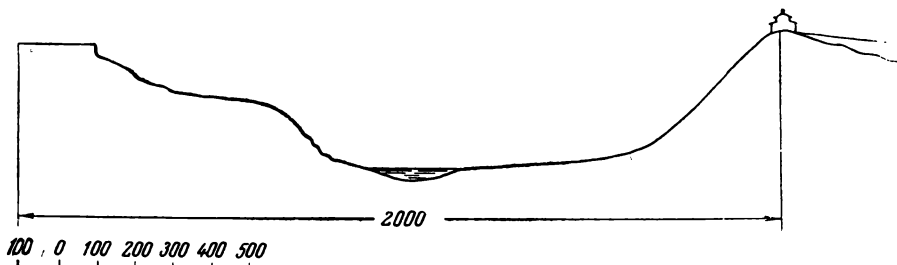

Рис. 1.

соответствует этому указанию Страбона или насколько таковая согласуется с ним? Точное определение стадия, как известно, дает Арриан, согласно которому $7\frac{1}{2}$ стадиев составляют римскую милю. Если же римскую милю принять равной 1478,7 м, то получится, что стадий равняется 197,16 м, а 16 стадиев—примерно $3154\frac{1}{2}$ м. Значит, Армовине отстояло от Севсаморы примерно на 3 км $154\frac{1}{2}$ м².

Расстояние между Багнити и Борвис-джвари по прямой линии, конечно, меньше 3 км, пожалуй, около 2 км. Но если дистанцию между обоими пунктами исчислять, с учетом особенностей топографии, рельефа и конфигурации местности, сначала по Армавскому выступу-носу (по выражению грузинского летописца), т. е. косоугору некогда (до взрыва в 1867 г. скалы при проведении железной дороги от Тбилиси до Поти), спускавшемуся прямо к Куре, а затем по схожему косоугору³ с противоположной стороны, идущему на Борвис-джвари, с пересечением, между ними, течения р. Куры вброд или на плотках-навтаках,—то это расстояние, пожалуй, покроется более или менее точно (см. рис. 1).

При этом нужно помнить, что выступы-носы или, что то же, косоугоры, спускавшиеся (один из них правобережный, и ныне спускающийся, но в ином, после взрыва 1867 г., очертании) к месту слияния Арагвы с Курой с обеих сторон, имели искусственным продолжением (до реки) крепостные стены, на что, между прочим, указывает и хроника «Обращение Картлии», приписывающая конкретно возведение таковой стены между Курой и Армавским «носом» царю Фарнаджому⁴ (IV—III вв. до н. э.). При учете этого обстоятельства можно полагать, что Страбон] определяет расстояние между скалами, увенчанными укрепленными городами Армовине и Севсамора, не по прямой линии, как мы думали раньше (1916), когда Севсамору приурочивали к Нацхор-Бебрисцихе⁵, или, как ныне утверждает А. Апакидзе, уверенный в идентичности

¹ «Картлис-Цховреба» («История Грузии»). Список царицы Анны, Тбилиси, 1942, стр. 21 (на груз. яз.). Ср. Л. Меликсет-Бекоев, К вопросу об обычае кувады на Кавказе, сб. «Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 735; он же, Армази, стр. 43—44.

² Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 253.

³ Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северов, Пути развития грузинской архитектуры, Тбилиси, 1936, стр. 29 (акварель Н. П. Северова); Н. П. Северов и Г. Н. Чубинашвили, Мцхета, М., 1946, стр. 89 (та же акварель).

⁴ Е. Такайшвили, Описание рукописей, II, 709; он же, Источники грузинских летописей, стр. 11. Ср. Л. Меликсет-Бекоев, Армази, стр. 24.

⁵ Л. Меликсет-Бекоев, В поисках Страбоновой Севсаморы, стр. 258—259.

античной Севсаморы и нынешнего урочища Цицамури¹, а по кратчайшему пешеходному пути, по косогорам и вброд или на плотах-навтиках через р. Куру, минуя мост магов (Могута), который был расположен выше слияния Арагвы с Курой, по Куре².

Нисколько не отрицая того факта, что под названием «Цицамури» (отсюда греческая форма «Севсамора») в средние века мог быть известен поселок или селение на месте нынешнего «урочища» Цицамури, мы, тем не менее, думаем, что античная Цицамури-Севсамора должна была находиться гораздо ближе к Мцхете,—как мы полагаем, на месте Борцвис-джвари.

Мало того. Если Армовике (Армазихэ), будучи расположено на Багнити и питаемая источниками Карсанского ущелья и Карсанской речки давало резонанс до так наз.

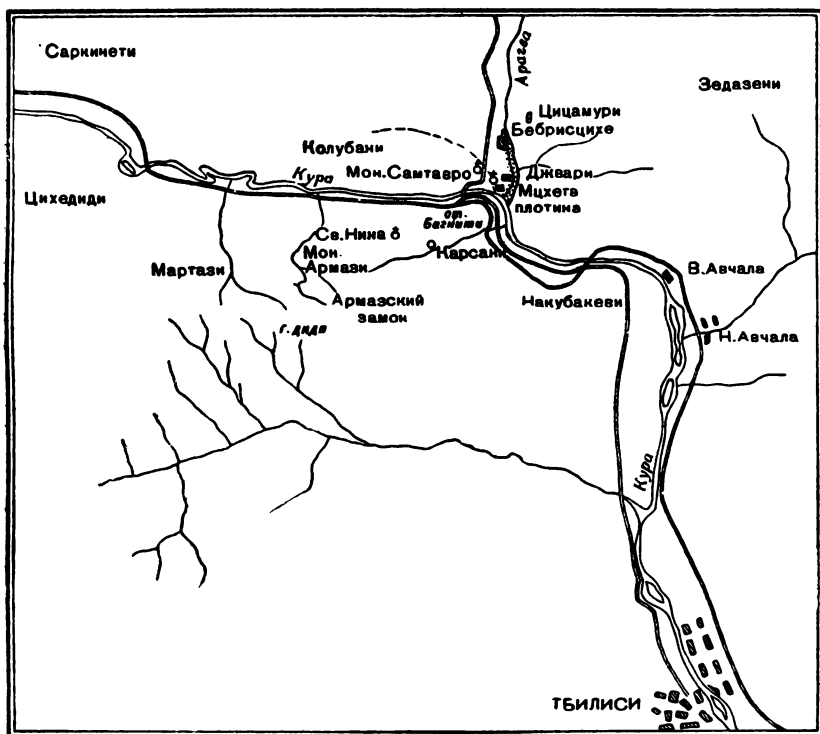

Рис. 2.

малого Армазского замка («замка у оконечности Армазского протяжения»), на который с течением времени перешло название «Армазихэ», донесенное до наших дней, то и Севсамора (Цицамури), будучи раскинута на плато и в котловине Борцвис-джвари и питаемая ближайшими источниками, что за озером, а также даудзус-царо, давала не меньший резонанс до нынешнего «урочища» Цицамури, за которым это название «Цицамури» и закрепилось на протяжении веков, одновременно будучи вытеснено с Борцвис-джвари или, вернее говоря, предано здесь забвению.

Археологические изыскания на Борцвис-джвари должны будут, по нашему мнению, вскрыть более древние пласты строительства на этой скале,—если не такого грандиозного масштаба, как в Багнити, то, во всяком случае, с исторической с последней категории античной культуры, [каковые пласты, как нам представляется, похоронены под фундаментом церковного строительства, начатого здесь, по определению

¹ А. Апакидзе, ук. соч., стр. 82.

² Ник. Ив. Квезерели-Копадзе, Древний Мцхетский мост через р. Куру, Тбилиси, 1947 (под нашей редакцией).

Г. Н. Чубинашвили, с конца VI в. и законченного сооружением в начале VII в. над открыто стоящим на воздухе деревянным крестом тетраконхового центральнокупольного храма, впоследствии монастыря, воспетого М. Ю. Лермонтовым, не считая, конечно, разновременных построек фортификационно-крепостного значения с некоторыми весьма древними пластами.

Очередная задача мцхетской археологической экспедиции АН Груз. ССР—заняться вопросом по выяснению скрытых в земле пластов—остатков античной Севсаморы (Севморы)-Цицамури путем производства раскопок на территории монастыря креста (Джвари) на холме Борцвис-джвари и озерного бассейна за ним.

Л. Меликсет-Беков

ПОЛЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО У КАТОНА

Историки древнего мира, писавшие на рубеже XX в., были твердо убеждены, что обеднение италийского крестьянства, так патетически изображенное в общеизвестном отрывке из одной речи Тиберия Гракха, было, в конечном счете, вызвано тем, что италийский рынок оказался завален провинциальным и заморским хлебом, который продавался по цене, столь низкой, что полевое хозяйство превратилось в статью вовсе невыгодную. Поэтому крупные землевладельцы от него почти совсем отказались и перешли к разведению виноградников и масличных садов, а крестьяне, у которых для организации винодельческого и маслодельного хозяйства, конечно, не было средств, стали бросать свои земли и уходить в города, чаще всего в Рим, рассчитывая отчасти на заработок, а главным образом на даровое содержание от государства.

Эти положения, до последнего времени остававшиеся непреложными для всякого, занимавшегося древним Римом, будь то ученый исследователь или студент-первокурсник, давно нуждаются в пересмотре. В настоящей работе я ставлю себе скромную задачу: посмотреть, бросил ли крупный землевладелец полевое хозяйство и выгодно ли было ему его бросать.

Главным источником нашим для решения этой задачи является Катон, тот самый Катон, основываясь на котором и Моммзен, и Нич, и Ростовцев вычертили знакомую схему, превратившуюся для римской истории в нечто аналогичное постулатам Евклида в геометрии. Каждое поколение, однако, перечитывает источники заново и обязано их перечитывать. Работа предшественников, их достижения и самые их ошибки позволяют заметить то, что ускользнуло от их, часто пристального и зоркого, глаза. Иногда случается, что ими упущена одна какая-то подробность, отсутствие которой сдвигает, однако, все пропорции и искажает реальную картину прошлого. Такой подробностью, которую просмотрели западные историки Рима, было сосуществование садовых и полевых культур на одном и том же месте. Нелепо было бы утверждать, что во II в. до н. э. не разводили маслин и не занимались виноградарством. Это время было как раз временем пышного расцвета маслиноводства; что касается виноградарства, то и его размеры, в соответствии с разросшимися потребностями местного рынка, должны были расширяться. Этот расцвет и это расширение вовсе, однако, не означали почти полного уничтожения хлебного хозяйства: пшеница не бежала перед ловой и маслиной, отдавая им, счастливым завоевателям, свою территорию: она продолжала удерживать за собой старое место, превосходящее уживаясь с новыми насельниками, которых она гостеприимно приютила на своей щедрой земле.

В а р р о н, писавший свое «Сельское хозяйство» в 30-х гг. I в. до н. э., заметил, что Италия производит впечатление сплошного плодового сада (I, 2,6). Варрону вообще можно верить: он внимателен и точен в своих наблюдениях, но здесь его можно было бы, пожалуй, заподозрить в патриотическом увлечении, если бы ему на поддержку не